

Глава 21 Рассказ

Здание Вэньцуй больше не было переполнено. В большом зале внизу было двое или трое ученых, которые, казалось, сочиняли стихи и хвастались этим друг перед другом. На втором этаже остались только столики Гуань Суй и Цинь Линъюня.

В своей предыдущей жизни Гуань Суй не была ортодоксальным конфуцианским ученым. Точнее, она любила извлекать суть из сотен школ мысли, а мусор, не соответствующий ее собственным представлениям, даже противоречащий мировоззрению, удаляла. Однако из-за сыновнего благочестия она никогда не раскрывала своих истинных внутренних мыслей и была вынуждена сдерживаться в течение двух жизней.

Было очень неприятно накапливать слова в течение двух жизней и не иметь возможности рассказать их, тем более что она также хранила огромную тайну, которую нужно было охранять днем и ночью. Поэтому, когда она внезапно сталкивалась с кем-то, у кого были безразличные отношения, но с кем она могла поговорить, она переходила от сдержанности к болтовне, заставляя их обоих говорить бесконечно.

Сначала она просто сказала это Цинь Линъюню, но потом заметила, что его личные охранники больше интересовались ее темой и немного разбирались в истории Центральных Равнин, поэтому естественно появилась зависимость от того, чтобы быть учителем, и разговор стал более резким и безудержным.

Открыв правду о системе отречения, она выпила горячий чай, переданный высоким мужчиной, и продолжила: "На самом деле, нет необходимости проверять откуда-то еще. Просто основываясь на записях в 'Классике истории', вы можете увидеть много противоречивых деталей, чтобы сделать вывод о местном стиле того времени. До того, как Шунь занял трон, он подвергался всяческим преследованиям со стороны своего отца, мачехи и сына мачехи Сян. Поскольку они не любили Шуна, то просто жили отдельно, почему они втроем хотели загнать его в тупик? Почему бы вам не узнать всю подноготную?"

Высокий мужчина мало что знал об истории Центральных равнин, и он на мгновение задумался и сказал: "Это для того, чтобы бороться за семейную собственность?" Большинство людей подумали бы именно так.

"Это наполовину верно, - слегка улыбнулась Гуань Суй, " как для семейной собственности, так и для статуса и власти. Если быть точным, Яо в то время был не Богом-императором, а вождем, избранным многими небольшими племенами. Гусоу был вождем одного из маленьких племен. В то время уже существовала наследственная система, и само собой разумеется, что должность вождя должна была передаваться старшему сыну. Шунь был старшим сыном, и он пользовался популярностью в народе и пользовался высоким авторитетом. Для него было бы невозможно передать должность вождя некомпетентному и недостойному Сяну, если только Шунь случайно не погибнет. Итак, вы видите, что даже должность вождя небольшого племени была получена путем убийства, и все равно это был биологический отец, который убил своего ребенка. Так почему же Яо захотел практиковать систему отречения? Он уже давно сделал Данжу наследным принцем, а также был его единственным сыном-ди."

"Вот в чем причина!" Высокий мужчина был убежден.

Гуань Суй пододвинула к нему чашку с чаем, постучала по своим очень изящно наманикюренным ноготкам, после чего он немедленно вежливо подал чай.

Гуань Суй не спешила делать глоток, она держала его на ладони и дважды поворачивала,

говоря: "Это записано в "Классике истории: Канон Шуня", после того, как Шун взошел на трон, он выбирал и назначал достойных людей, использовал 'восемь кай' и 'восемь юаней' для управления гражданскими делами, изгнал 'Четыре зла', назначил Юя контролировать наводнения, завершил незаконченные дела Яо и поддерживал императора Яо до конца его жизни. Если изменить порядок этого предложения, правда истории будет раскрыта. Согласно текстологическим исследованиям моего великого предка, Шунь выбрал "Восемь Кай" и "Восемь Юаней" до своего наследования, и изгнание "Четырех зол" также было до его наследования. Только назначение Юя для борьбы с наводнениями произошло после его наследования. Если подумать, какая тайна здесь скрыта?"

Высокий мужчина почесал затылок и улыбнулся: "Каково старшинство великого предка?"

Цинь Линъюнь поперхнулся от его неожиданного ответа, а Гуань Суй не смогла удержаться от смешка. Она улыбнулась и постучала кончиками пальцев по дну чайника, издав хрустящий звук.

Высокий мужчина протянул руки и потер мочки ушей, улыбаясь еще более глупо.

"Великий предок - это мой Пра-пра-пра-пра-прадедущка". Гуань Суй протягивала ладонь, загибая палец каждый раз, когда произносила слово "Пра", совсем как прекрасный голос иволги, полный радости и легкости. Этот человек из племени Цзюли был одновременно и ученым, и честным, действительно интересным.

"Так вот оно что!" Человек внезапно понял и спросил: "В чем тайна?"

Эта тема была слишком непостоянной, в один момент она развернулась к горизонту, а в следующий момент мгновенно развернулась обратно, если бы не быстрое мышление Гуань Суйи, боюсь, она бы действительно была сбита им с толку. Она указала на мужчину, покачала головой и рассмеялась. "Тайна состоит в том, чтобы подавить, точнее, убить Шуна, который обладает высокой степенью заслуг. Император Яо приказал ему убрать "Четыре зла" в надежде, что оба проиграют. Неожиданно Шун остался невредим и все еще выполнял свою миссию. После своего благополучного возвращения он стал опасаться Яо, поэтому начал набирать доверенных помощников с намерением узурпировать трон. 'Восемь Кай' и "Восемь Юаней" имели благородную кровь, но не имели реальной власти, и Яо долгое время игнорировал их, и они стали первой мишенью, которую он хотел завоевать. Заняв трон по рекомендации многих помощников, он сначала заключил Яо в тюрьму, затем сослал и приговорил к смерти наследного принца Данчжу. Когда он состарился, он увидел престижный Юй и, естественно, подумал о прошлом. Поэтому он также подражал Яо и послал Юй контролировать наводнения, пытаясь убивать людей чужим ножом. Итак, вы видите, что одни и те же вещи, расположенные в другом порядке, могут прийти к совершенно противоположному выводу".

Высокий человек впервые услышал о таком гениальном замечании, и ему стало немного глупо, когда он подумал об этом несколько раз.

Гуань Суй усмехнулась и вздохнула: "История пишется людьми, так что воля писателя неизбежна. Поскольку так называемый "победитель становится королем, а проигравший - бандитом", победители навсегда оставят хорошую репутацию, проигравшие будут вонять тысячи лет. Но реальная история, кто может точно сказать, как она выглядит? Может быть, эти "истины", которые я вам объяснила, не более чем злонамеренные домыслы будущих поколений. Но увлекательная часть истории заключается в том, что усердное стремление к истине и необъяснимые сомнения по этому поводу могут быть лишь немного удовлетворены в

полуночном сне".

Высокий мужчина тщательно обдумал ее слова, и ему это показалось интересным, он не мог не согласиться. "Но я думаю, что ваше заявление более правдоподобно и больше соответствует здравому смыслу. Действительно достойный потомок Цзо Боксюна, действительно очень знающий."

Гуань Суй улыбнулась, не говоря ни слова, поднесла слегка остывший чай к губам и выпила его, встала и попрощалась: "Уже поздно, и Гуань уйдет первой".

"Только что мы говорили о Яо, Шунь и Юй, тогда давайте поговорим о Ся, Ци, Шан и Чжоу, что было дальше". Высокий мужчина немедленно призвал ее остаться, его глаза были полны смысла.

"Если вы хотите знать, что произошло дальше, пожалуйста, послушайте следующий отрывок". Гуань Суй подняла маленькую чайную крышечку и легонько постучал ею по столу.

Высокий мужчина сначала был поражен, а затем громко рассмеялся, но затем он увидел, что она прошла несколько шагов, обернулась, подняла указательный палец в сторону Цинь Линьюнь и прошептала: "Сегодняшний разговор, я надеюсь, господин маркиз Чжэнси сохранит его для меня в секрете".

Цинь Линьюнь слегка кивнул и увидел, как она расправила широкие рукава и пошла по винтовой лестнице. Холодный ветер за окном приподнял уголок черной вуали, обнажив тонкую белоснежную шею и половину маленького изящного подбородка, прядь темно-черных волос была подхвачена ветром на алые губы, нежно придерживая их, а кончик розового языка слегка обнажил маленький зубчик, как бы для того, чтобы вытолкнуть его наружу. Только этот поразительный взгляд, обычные детали, уже тронули сердце и заинтриговали душу.

Простое и честное выражение лица высокого мужчины на мгновение застыло, а когда он пришел в себя, человек уже ушел. Несколько охранников поспешно махнули продавщице, чтобы она снова установила снятую ширму, изолируя мир.

"Гуань Суй, оказывается, это настоящая Гуань Суй!" В то время у мужчины все еще был акцент цзюли, но он говорил по-китайски более свободно, чем уроженец Яньцзина. Он сел за стол с золотым мечом, поднял свою чашку и выпил, его властные глаза феникса слегка прищурились.

Если бы Гуань Суй все еще была здесь, боюсь, она была бы шокирована его внезапной переменой.

"Разве вы не говорили раньше, что внучка Старого Мастера Гуана такая же, как он, тоже болтливая, со всеми традиционными добродетелями и кислыми зубами? Почему настоящий человек совсем не такой?" Цинь Линьюнь достал буддийскую бусину и бросил ее в чашку с чаем, радостно улыбаясь. Несмотря на то, что у него уже был кто-то в его сердце, он должен был признать, что Гуань Суй была замечательным человеком, которая была хорошо информирована, блестяще осведомлена и очень остроумна. Общение с ней было очень приятным и расслабляющим. А этот человек перед ним больше всего любил обучение Хань, а также любил обсуждать обучение Хань с другими, но неосознанно, он фактически отдал другим тот внимательный цветок, который ему больше всего подходит. Должен ли он теперь сожалеть об этом?

Высокий мужчина, это был император Шэн Юань в костюме белой рыбы-дракона, действительно был в прекрасном настроении. Но он привык быть тираном и не знал, что такое

“сожаление”. Только почувствовал, как что-то на некоторое время заблокировало его сердце, прежде чем оно пришло в норму.

“Я думаю, что из-за сыновнего благочестия она не осмелилась высказать свое мнение прямо. Слушая то, что она говорила, казалось, что она не согласна с конфуцианством. Внучке Гуань Цигуана не нравилось конфуцианство, так забавно, действительно забавно!” Императору Шэн Юаню хотелось смеяться снова и снова. Он был в хорошем настроении и приказал охранникам принести два кувшина спиртного и хлопнул глиняной пробкой, чтобы пить.

Цинь Линъюнь тоже засмеялся и попросил у продавщицы большую чашку, и медленно наполнил ее.

Они вдвоем посидели некоторое время и вдруг увидели, как император Шэн Юань похлопал по столу и вздохнул: “Нет, я просто забыл пригласить ее прийти завтра снова. Если она не придет, когда я смогу услышать следующий срыв. Когда ты вернешься позже, ты отправишь ей сообщение на имя маркиза Чжэньси, и ты должен пригласить ее в гости.”

Цинь Линъюнь терпел-терпел, но в конце концов не смог сдержаться и спросил: “Ваше величество, к кому вы пришли в штатском? Разве вы не должны были уже забыть об этом?” Сказав это, он неохотно достал буддийскую бусину.

“Я не забыл, подожди до девяти дней”. Император Шэн Юань вспомнил, как Гуань Суй оценивала Сюй Гуанчжи, и его первоначальное не очень-то стремительное намерение добиться успеха уменьшилось на восемь или девять пунктов. Поскольку семья Гуань получила повышение, не было необходимости устанавливать новый стандарт.

После того, как эти двое наелись и напились вдоволь, они тихо вернулись и разошлись перед дворцовыми воротами. Император Шэн Юань вошел во дворец Вэйян, сорвал бороду, обнажив решительное и суровое лицо, Байфу и другие поспешно подошли, чтобы раздеть его и вытереть пыль.

Он быстро переоделся в свою обычную одежду и приказал кому-нибудь принести коробку с учебниками по истории. Он планировал использовать лампу для чтения по ночам, но, прочитав всего две страницы, обнаружил, что это неинтересно, это было не так увлекательно, как диктовка Гуань Суй. В оцепенении в его сознании начали всплывать сцены общения с этим человеком, и многие из забытых деталей в это время стали предельно ясными, и они также были чрезвычайно трогательными.

Хотя он не мог видеть ее внешность из-за шляпы с вуалью, как она мягко посмеивалась; как она медленно держала чашку в ладони; как она вытянула свой нефритово-белый указательный палец, прижала его к губам через черную вуаль и вдавила в небольшое углубление; и в то время, когда половина ее лица была открыта холодному ветру, снова и снова усиливалось концентрированными воспоминаниями и ощущалось снова и снова.

Император Шэн Юань бессознательно впал в восхищение, но в этот момент он услышал резкий голос снаружи дворца: “Ваше величество, Е Цзею снаружи просит вас о встрече”.

Все картины, которые были одновременно скрыты и полны ярких красок, были разбиты на куски в мгновение ока. Пустые глаза императора Шэн Юаня быстро сфокусировались, и он торжественно сказал: “Пусть она войдет”. Затем он отбросил эту незнакомую и на мгновение пульсирующую боль, как будто прежней снисходительности и рассеянности никогда не было.

Примечание:

Персонажи выше, Яо, Шунь и Юй, являются мифологическими правителями или божествами в очень древнем Китае, мы говорим примерно о 2000 году до нашей эры, то есть более четырех тысячелетий назад. Все книги / записи, упомянутые выше, реальны, Классика истории или Книга документов были приписаны Конфуцию и его ученикам, Записи Великого Историка, Бамбуковые анналы, все они были опубликованы за сотни лет до нашей эры, и они говорили о фигурах на два тысячелетия старше их, что я нахожу особенно поразительным. История Китая очень глубока, но, кроме того, она хорошо сохранилась, вы можете найти текст этих тысячелетних книг в Интернете.

<http://tl.rulate.ru/book/67090/2274452>